

Цзян Най шёл за руку с обоими детьми, ведя их наверх после обеда.

Шагая по лестнице, он объявил малышам новость:

— Папа только что звонил мне, тётя Чжан вернётся ещё нескоро.

Едва слова затихли, все трое уже стояли в коридоре второго этажа.

Маленькие пальчики, сжимавшие его с обеих сторон, невольно сжались сильнее. Опустив взгляд, Цзян Най увидел две похожие друг на друга мордашки, которые смотрели на него снизу вверх. В их водянистых глазках читались и ожидание, и тревога.

Цзян Най присел на корточки и, никого не обделив вниманием, одарил каждого поцелую.

— Так что в эти дни заботиться о двух моих сокровищах, Фань-фане и Чжоу-чжоу, буду я. Хорошо?

Конечно же, хорошо! Цзян Най вознаградили парой сияющих глаз и крепкими объятиями пухлых малышей.

Чжоу-чжоу пришёл в страшное вождение и зачирикал, точно маленький воробей:

— Папа, а можно Чжоу-чжоу немного поспит с тобой? У меня такая удобная кровать, папа обязательно должен прийти!

Другой малыш тоже настаивал на своём:

— Хочу, чтобы папа спал с Фань-фаном.

— М-м.

Задёрнув шторы, выставив на кондиционере комфортную температуру и переодев малышей в пижамы, он наконец лёг.

Слушая мягкие, умоляющие голоса двух крох, просивших о... Цзян Най чувствовал, что улыбка не сходит с его лица.

Детская комната по своей планировке мало чем отличалась от спальни Цзян Ная. Строго говоря, это была не просто спальня, а вполне полноценный люкс со всеми удобствами.

Но обе кровати были детскими, и обычному взрослому мужчине вроде Цзян Ная уместиться на любой из них было бы крайне тяжело, не говоря уже о том, чтобы спать вместе.

Убедившись, что папа лёг рядом, малыши, едва их головки коснулись подушек, начали постепенно засыпать; стоило немного погладить их по спинкам, как оба погрузились в глубокий сон.

Я могу открыть окно, здесь хороший воздух и чудесный вид, тебе лучше поспать со мной, так что к Чжоу-чжоу ходить не надо.

Две маленькие детские кроватки стояли в комнате справа и слева, а посередине их разделяла ширма в бамбуковой раме, на которой были вышиты несколько розовых свинок — Цзян Най помнил, что это персонажи какого-то классического мультсериала.

В один миг атмосфера накалилась до предела.

Чжоу-чжоу со всем энтузиазмом принялся тянуть Цзян Ная к себе на кровать:

— Папа, иди скорее сюда, это моя кровать!

Цзян Най разгадал весь скрытый подтекст, заложенный в этих четырёх словах.

Здесь были и небольшая гостиная, и гардеробная, и самая настоящая спальня, предназначенная исключительно для сна.

Плотные светонепроницаемые шторы скрывали дневной свет, а внутри царил погружающий в дрему янтарный полумрак; кондиционер тихо поддерживал идеальную температуру и влажность.

Малыш Чжоу-цзай ещё не умел толком рассуждать, но прекрасно понимал, что сдвинуть папу с места больше не может. Надув губки, он уставился на брата.

И громко запротестовал:

— Папа, проснись скорее!

Впрочем, всё это было неважно. Куда важнее оказалось другое — где ему вообще спать?

Повсюду в комнате были разбросаны мелкие вещи: игрушки, модельки машин и кубики конструктора, которые не успели убрать, а в углу стены красовались нарисованные эльфы — эти милые штрихи делали всю комнату по-детски уютной и живой.

Чжоу-чжоу встревожился, решив, что папа снова заснул мёртвым сном, как бывало раньше, и в панике захлопал своими ручонками по лицу Цзян Ная.

Цзян Най протянул руку и попытался слегка сдвинуть двухстороннюю резную ширму с тремя видами узоров, но она даже не шелохнулась. Нажав сильнее, он понял, что та по-прежнему неподвижна. Нагнувшись получше рассмотреть конструкцию, он наконец обнаружил, что она намертво прикручена к полу.

Цзян Наю внезапно пришла в голову отличная идея. Он присел на корточки, собирая обоих мальчиков вместе, и бодрым тоном предложил:

— Пойдёмте спать ко мне в комнату! Будем спать втроём, хорошо?

Поэтому дальше они отправились в комнату Цзян Ная, прихватив пижамы и маленькие подушечки. Держась за руки, они шли в спальню, где стояла кровать, способная вместить их всех троих.

Он сладко зевал, позволяя себе наконец провалиться в сон.

— Э-э...

Он в растерянности оглядывал представшую перед ним картину, не зная, как подобрать слова.

Погружённый в атмосферу неги Цзян Най даже не понял, к чему клонили дети, пока они сами не привели его в свою комнату.

Мгновение спустя оба малыша единогласно одобрили папину идею.

После такого переполоха даже тот, кто спал мертвецким сном, непременно проснулся бы.

— Там нет окна.

Цзян Най сделал вид, что сердится, и, воспользовавшись тем, что проказник потерял бдительность, крепко обхватил его руками, придавил к кровати и принялся шлёпать по круглой попке.

Цзян Най подтянул тонкое одеяло, укрывая мягкие животики мальчишек. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением кондиционера и размеренным дыханием детей — тихая, прекрасная идиллия.

А Фань-фан тем временем тихонько сжал его ладонь, не давая пошевелиться.

Сначала им пришлось поплакать из-за безответственной няни, потом братья несколько часов играли друг с другом, а в довершение всего помогали папе готовить обед — сегодня утром у них действительно ни минуты не было передышки.

Однако вид спальни, предназначенной для ночлега, поставил Цзян Ная в тупик.

Стены были окрашены в тёплый кремово-жёлтый оттенок, на низких книжных полках аккуратно стояли детские сборники сказок, а на полу в мини-гостиной лежал пушистый коврик в виде овечки; благодаря сказочным мотивам и мягкой фактуре всё вокруг выглядело лёгким и нежным.

Цзян Ная разбудили полные энергии дети. Когда Чжоу-чжоу только проснулся, Цзян Най спал так крепко, что не реагировал на зов прямо над ухом.

Цзян Наю оставалось лишь оставить затею сдвинуть ширму или придвинуть кровати вплотную друг к другу. Мысль тесниться на одной его тоже не прельщала.

— Ладно-ладно-ладно, будем спать вместе.

Цзян Най с облегчением вздохнул про себя: сегодня мудрость и сообразительность любящего папаши вновь предотвратили угрозу братоубийственной войны в миниатюре.

Кому вообще пришло в голову сделать столь причудливый дизайн для детской кровати?

Мало того что разделили ширмой, так ещё и закрепили её намертво!

И правда, бедность ограничивает воображение. Кто бы мог подумать, что традиционные ремёсла нашей страны идут в ногу со временем: они не только проникли в сферы детских товаров, но даже замахнулись на зарубежный рынок анимации.

— Ладно.

Чжоу-чжоу, похожий на выброшенного на берег маленького черепашонка, чьё панцирь прижали к земле, отчаянно дрыгал всеми четырьмя конечностями, но не мог продвинуться ни на дюйм.

Пришлось ему жалобным, мягким голосочком молить обидчика о пощаде:

— Ха-ха... Папа, я неправ, отпусти меня скорее...

В этот момент Цзян Най решил отбросить маску доброго отца. Сидя на кровати и комично

размахивая руками, он нарочито загробным голосом произнёс:

— Я никакой не папа, я — лесной демон, который пожирает детей! Раз уж кто-то посмел меня разбудить, я съем его! О-о-у~

С этими словами он набросился на Чжоу-цзя, затискивая и зацеловав его пухлую щёчку, напоминающую щёки Сино-Охара из манги, а заодно притянул к себе и Фань-фана, устроив обоим знатную возню.

Комната наполнилась звонким, счастливым смехом, который стих лишь минут через пять-шесть.

Тело Цзян Ная, только недавно вышедшее из состояния комы, ещё не оправилось настолько, чтобы выдерживать долгие и бурные игры.

Не успели дети толком войти во вкус, как он сам уже обессиленно рухнул на подушку, тяжело дыша и не в силах дать отпор атаке малышей. Цзян Най взглянул на висящие на стене часы и понял, что уже почти три часа дня:

— Ну всё, мои маленькие сокровища, время не ждет, нам пора вставать.

С этими словами он взял домашний костюм, оставленный перед сном на банкетке в ногах кровати, помахал в воздухе крошечными носочками и спросил:

— Кто первый одеваться?

Без каких-либо сюрпризов, оба ребенка захотели сначала пообниматься с папой.

Новоиспеченный молодой отец интуитивно освоил искусство быть беспристрастным: одаривал поцелуем того, кто справа, а затем помогал надеть носочек тому, кто слева.

После всей этой процедуры оба малыша были вне себя от радости, а Цзян Най чувствовал себя автоматом по продаже поцелуев.

Цзян Най аккуратно поправил края одежды Фань-фана, а затем, глядя на двух нарядных малышей, громко произвел на свет:

— Два великих красавчика, только что с конвейера!

На половине четвертого дня у них был частный урок игры на фортепиано, и Цзян Най сначала быстренько развел малышам полчашки молока.

Сидя на диване и наблюдая, как они в два счета уплетают молоко, а затем слушая, как они наперебой расписывают ему эту нежную, красивую и умную учительницу, он поймал себя на том, что в душе зашевелилось легкое чувство зависливости.

Неужели она настолько хороша? Чего это они распинаются, будто с небес сошла небожительница?

— Здравствуйте, господин Цзян. Я преподаватель фортепиано этих двоих малышей, Тан Я, можете звать меня просто Сяо Тан.

Его глаза были черны, как тушь, а взгляд напоминал два чистых родника; у него была прямая, благородная осанка, а особенно поражала эта окутывающая его с ног до головы, словно дымка или облака, отрешенная от мира аура, от которой сердце невольно замирало в восхищении.

Неудивительно, что Фань-фань и Чжоу-чжоу использовали весь свой словарный запас комплиментов лишь для того, чтобы описать, насколько прекрасна эта учительница музыки.

Легкая зависть, только что зародившаяся в сердце Цзян Ная, с треском разбилась вдребезги, а на лице появилась чуть застенчивая улыбка.

Он поздоровался:

— Здравствуйте, учитель Тан, нашим сорванцам еще предстоит доставлять вам немало хлопот.

Даже этот человек, похожий на небожителя, улыбаясь, являл миру две крошечные ямочки на щеках, которые придавали ему толику земной, живой красоты:

— Ничего страшного, тогда я пока отведу малышей на занятие.

Цзян Най закивал:

— Хорошо, хорошо.

Следом он присел на корточки и ласково шепнул обоим ребятишкам:

— На уроке ведите себя послушно, договорились?

Тан Я тоже проникся интересом к этой сцене. Он обучал младших из семьи Фэн уже год, с самого их двухлетнего возраста, но впервые видел этого болезненного младшего папу.

Что же касается отца детей, то тот показал свое истинное лицо лишь на первом уроке, примерно проверил его уровень и с тех пор появлялся крайне редко.

За последний год он больше всего общался с детской няней.

И впрямь настоящий отец своих детей — они ведь до того похожи, что можно смело сказать: будто из одного теста слеплены.

Два малыша последовали за шагами учителя Тан в музыкальную комнату, но вдруг заметили, что папа не пошел с ними, а остался стоять на прежнем месте и провожает их взглядом.

Они еще не так долго общались с папой, и сейчас как раз был тот самый период

привязанности, когда им не хотелось расставаться с ним ни на секунду.

Увидев, что папа не идет с ними, они немного встревожились.

Тан Я преподавал уже год и успел неплохо изучить обоих мальчишек, поэтому, заметив, что они то и дело оглядываются, примерно догадался, в чем дело.

Он остановился, оглянулся на молодого человека, стоявшего в холле на первом этаже, и спросил:

— Господин Цзян, не хотите пойти с Фань-фанем и остальными на урок?

Цзян Най удивленно посмотрел на него, а затем перевел взгляд на две пары полных ожидания глаз рядом с ним и с улыбкой ответил:

— С удовольствием!

Два молодых человека с совершенно разным темпераментом, но одинаково привлекательные, в сопровождении пары очаровательных малышей-близнецов, выглядели невероятно радостными.

Фэн Чэнъянь сидел в конференц-зале, а на экране стоявшего перед ним ноутбука пестрели густо переплетенные данные и графики.

Вдруг он слегка сдвинул мышь, и миниатюрное окошко видеонаблюдения мгновенно развернулось на весь экран.

Стоило только открыть его, как перед глазами предстала следующая картина.

Верхний и нижний этажи, переглядывающиеся друг с другом.

Кто-нибудь с плохим зрением вполне мог бы принять их за идеальную пару.

Его пальцы чуть шевельнулись, тело лениво откинулось назад, и он, глядя на экран собственного компьютера, погрузился в какие-то мысли.

Генеральный директор отдела пропаганды, ведущий заседание на трибуне, слушал, как все уже готовы были перегрызться из-за какого-то вопроса, но при этом никак не мог дожждаться решающего слова от главного босса.

Поэтому он с любопытством взглянул в сторону Фэн Чэнъяня.

И обнаружил, что его собственный босс явно витает в облаках и мысли его вовсе не на совещании, из-за чего не преминул мягко напомнить:

— Директор Фэн, как вы считаете, кого нам лучше выбрать в качестве амбассадора?

Фэн Чэнъянь отвел взгляд от компьютера и перевел его обратно на большой экран, где красовались две фотографии.

На одной был изображен популярнейший на данный момент айдол с гремящей отовсюду рекламой и огромным количеством хайпа.

На другой — ветеран экрана, чей авторитет ковался годами, а работы были известны каждому, имевший прочный и солидный фундамент.

Генеральный директор отдела пропаганды была жгучей и красивой женщиной, которая, несмотря на успехи в карьере, все еще круглый год оставалась на передовой сплетен и обсуждений.

Она высказала свое экспертное мнение по поводу двух финальных кандидатур, опираясь на многолетний опыт наблюдения за шоу-бизнесом:

— Я считаю, что выбрать Линь Чэня — отличная идея. Молодой, энергичный, от одного взгляда на него на душе становится радостно.

Заметив, что Фэн Чэнъянь действительно прислушался, она тут же подкинула еще аргументов:

— Наша новая ювелирная линия ориентирована в первую очередь на молодежь. Директор Фэн, ручаюсь, современная молодежь без ума от такого утонченного стиля, какой присущ Линь Чэню.

При этом она не забыла исподтишка пнуть другого кандидата:

— Этот киноактер, конечно, хорош, но уж слишком солидный и серьезный, он не совсем вписывается в наше маркетинговое направление.

Фэн Чэнъянь слушал профессиональное мнение с легкой примесью личных предпочтений, одновременно глядя на экране своего компьютера на то, как двое взрослых и двое детей рука об руку направляются в музыкальную комнату.

И вдруг задал вопрос:

— Всем нравится этот утонченный стиль?

Занятая тем, что изо всех сил пыталась продать боссу своего нового любимчика, красавица Янь Юань совершенно не заметила этого странноватого тона.

Она бездумно хлопала большими глазами и отвечала как о само собой разумеющемся:

— Конечно! Молодость и красота — главное оружие. Когда в обычное время человек выглядит так, будто питается росой и не принадлежит нашему миру, достаточно лишь изредка проявить немного земного тепла, чтобы все вокруг потеряли головы...

Не молодой, не красивый и даже излишне суровый директор Фэн наконец вынес вердикт:

— Ладно, пусть будет этот утонченный стиль.

Следом прозвучала скрытая угроза:

— Если показатели продаж окажутся слабыми, о премии за этот проект можете даже не мечтать. Собрание окончено!

Люди в конференц-зале зашуршали и потянулись к выходу, оставив позади главу отдела пропаганды Янь Юань, которая еще не до конца пришла в себя.

Она моргнула своими большими глазами и бессознательно погладила браслет стоимостью в шесть знаков цифр, который только что приобрела, и лишь тогда вернулась в реальность.

Мысленно она тут же принялась ворчать:

— Да что такое, начальник сегодня точно с утра пораньше объелся пороха, слова разит как пулями.

<http://bllate.org/book/22066/2294544>